

Статья предоставлена автором

Сергей Фокин
(Санкт-Петербург)

«ВСЕ ДВИЖЕТСЯ ЛЮБОВЬЮ»

Шуничи Оно (1892–1958), родной дядя вдовы Джона Леннона – известной авангардной художницы Йоко Оно, окончил Петроградский университет в 1917 году. Думаю, это был единственный японец – выпускник естественного отделения физико-математического факультета столичного университета. Ученик профессора-зоолога В. А. Догеля, Шуничи практически ничего не сделал в науке, но благодаря его любви к правнучке И. И. Вульфа, тверского знакомого Пушкина, Япония приобрела хорошую скрипичную школу, значительно увеличила число переводчиков-русистов и более чем на 30 лет получила оригинального художника-графика. Вот такая история...

Жили-были в петербургской Коломне маленькие девочки – сестры Бубновы. Отец их, Дмитрий Капитонович, служил в Крестьянском поземельном банке, а мать, Анна Николаевна, бросив открывавшуюся перед ней карьеру оперной певицы, занималась их воспитанием. Было это давно, в 90-х годах XIX века. По линии отца мужчины в семье преимущественно были военными моряками, а материнская родня – давно обрусевшие шведы Вульфы – владели поместьем Берново в Тверской губернии. Помните хозяйку Тригорского П. А. Осипову-Вульф, близкую знакомую А. С. Пушкина? Прасковья Александровна была замужем за родным братом прадеда этих девочек Ивана Вульфа. Старшая – Мария – появилась на свет в 1884, средняя, Варвара, родилась в 1886, а младшая – Анна – в 1890 году. Мать, прекрасно образованная и музыкально одаренная женщина, видела будущее дочерей в искусстве. К тому были предпосылки: Мария и Анна обладали абсолютным слухом, а Варвара с детства с увлечением рисовала. Развитие природных задатков при чутком и постоянном участии Анны Николаевны привело первых двух сестер в Консерваторию, а Варвару – в Академию художеств. Конечно, помимо музыкальных занятий и рисования девочки с детства хорошо освоили также немецкий и французский языки.

Мария под руководством проф. А. Н. Есиповой стала пианисткой. Анна окончила курс по классу скрипки (одним из ее учителей был знаменитый Л. Ауэр) и с 1911 года выступала в концертах и преподавала в музыкальной школе Боровской. Варвара после рисовальной школы Общества поощрения художеств поступила в Академию, которую в 1914 году закончила со званием художника по классу известного пейзажиста Н. Н. Дубовского. Одним из ее сокурсников был Павел Филонов. Да и сама Варя под влиянием близкого друга и коллеги-студента В. И. Матвея и всей культурной жизни Петербурга 10-х годов прошлого века старалась быть в русле художественных исканий времени. Она была участницей левого «Союза молодежи», куда входили Юрий Анненков, Марк Шагал, Давид Бурлюк, Владимир Татлин...

Судьбы Анны и Варвары Бубновых внезапно, но тесно и надолго переплелись с жизнью оказавшегося в России в 1914 году Шуничи Оно (возможна транскрипция Сюньити или Шун-ичи, но сам он писал свое имя по-русски именно так), уроженца далекой Японии, старшего сына профессора экономики Киотского университета, а позднее президента Японского промышленного банка, Еджиро Оно. Отец, богатый и влиятельный в Японии человек, сам немало путешествовавший по миру, был не против желания сына учиться в Европе.

С детства Шуничи увлекался естественной историей и еще школьником собрал обширную коллекцию пауков. Однако интересы его были весьма широки: он увлекался изучением основ народной культуры, был знаком с философией и теорией эволюции, поскольку среди друзей отца было несколько известных ученых, оказавших большое влияние на мальчика. Два года Оно изучал зоологию в Токийском университете, где учили по западным учебникам. Молодой человек захотел получать знания «из первых рук». Его цель была продолжить обучение в Марбургском университете. Время было, однако выбрано не самое удачное – шло лето 1914 года, но кто выбирает свои времена?!

В июле 1914 года по транссибирской железной дороге Шуничи отправился в Москву. Поездка через всю Россию имела для него огромный познавательный и этнографический интерес, хотя японец не знал ни слова по-русски. Путешественник добрался до Москвы, когда уже началась мировая война. Западные границы России были закрыты – Оно понял, что дальше на запад ему не пробраться. Несмотря на совет отца вернуться в Японию и оттуда поехать в Америку, Шуничи решил остаться в России и учиться в Петербурге, который с началом войны превратился в Петроград. Это решение, безусловно, характеризует Оно как человека очень независимого – после

Русско-японской войны отношение к России в стране восходящего солнца было, мягко говоря, неоднозначное.

Петроградский университет, лучший в империи, готов был принять японца в качестве вольнослушателя. Оно читал и говорил по-немецки и по-английски, а безусловные лингвистические способности помогли ему сравнительно быстро освоить и русский язык. Закономерно, что молодой человек выбрал для учебы естественное отделение физико-математического факультета. Принимал его в университет профессор-зоолог В. М. Шимкевич (1858 – 1923), декан физмата, впоследствии академик, у которого в Зоологическом кабинете Оно и начал учиться и работать. Помимо университета он погрузился с головой в новый, незнакомый ему мир русской жизни, который к тому же находился тогда на переломе и менялся на глазах – война и революционные настроения все больше и больше становились заметными в столице. Живо всем интересовавшийся, быстро схватывавший и усваивавший приметы и обычаи российского быта, Шуничи с радостью и интересом учился, вскоре, правда, перейдя в Зоотомический кабинет, к проф. В. А. Догелю (1882 – 1955); общался с людьми, посещал выставки и концерты. Его гидом в музыкальном мире Петрограда был М. Н. Римский-Корсаков (1873 – 1951), старший сын нашего знаменитого композитора, работавший в том же кабинете университета, а ближайшими друзьями начинающие ученые-зоологи – И. Н. Филипьев (1889 – 1938) и Д. М. Дьяконов (1894 – 1923).

На одном из концертов, организованном в малом зале Консерватории в помощь раненым воинам, в начале 1916 года, Шуничи услышал игру Анны Бубновой и влюбился в молодую симпатичную скрипачку. В университете он, помимо занятий биологией, был приглашен преподавать японский язык на восточном факультете. Там он снова встретился с Анной, которая на удивление, как раз в это время заинтересовалась японским языком и пришла для его изучения на университетские курсы. Знакомство с настоящим японцем, причем общительным, трогательной внешности сверстником, перешло в дружбу. В семье, недавно потерявшей своего главу, радовались частому гостю – до квартиры Бубновых на Васильевском острове возле Тучкова моста от университета было рукой подать. Оно вносил оживление в притихший дом – пел японские песни, рассказывал о японских искусстве и культуре. К этому времени Шуничи уже очень прилично говорил по-русски.

В университете дела японца тоже шли неплохо – он старался не упустить возможности расширить свои биологические горизонты. Оно побывал на Бородинской пресноводной биологической станции на озере Селигер под Тверью, а потом съездил и

на Мурман, где познакомился с морской фауной на Мурманской биологической станции в Александровске (теперь г. Полярный). Проявлял Шуничи интерес и к экспериментальной работе, посещая Особую зоологическую лабораторию Российской Академии наук. Там он работал вместе с такими известными в последствии биологами как К. Н. Давыдов, Ю. А. Филипченко, И. И. Соколов, А. А. Любищев, П. Г. Светлов. Много лет спустя, в эмиграции, проф. Давыдов, с грустью вспоминая то счастливое время, писал в Россию: «Милый и дорогой Александр Александрович. Так счастлив, что мои старые друзья еще помнят обо мне – не много уж их осталось в живых. Какое это было хорошее время, когда мы вместе собирались в нашей уютной лаборатории Академии... Исчез наш милый Оно. Помню, когда он приходил в лабораторию, сторож докладывал: “оно пришло”. Ну довольно о прошлом – нервы не выдержат испытания...».

Жизнь сестер Бубновых, тем временем тоже не стояла на месте. Варвара преподавала рисование в городской школе для девочек. Не порывала она связей и с Академией, где одно время занималась в мастерской известного мастера гравюры В. В. Матэ. Параллельно она училась и в Археологическом институте. Одна из ее поездок в Москву – «сказочный град Китеж», по выражению Варвары Дмитриевны, закончилась приглашением заняться древнерусской миниатюрой с зачислением в штат Исторического музея. В мае 1917 года Бубнова уехала в Москву, где ее и застала революция. Несмотря на повсеместные тогда житейские трудности, она с увлечением занималась миниатюрами, участвовала в организации и проведении первой советской выставки иллюстрированных древних рукописей, не оставляла и собственное творчество. Несколько работ Бубновой было представлено на московских выставках. Как пишет биограф В. Д. Бубновой – И. П. Кожевникова, в это время она с увлечением занималась гравюрой у известного художника-графика В. Д. Фалилеева. В это, насыщенное работой и творческими исканиями время (ранней весной 1918 года) Варвара получила письмо от сестры. Анна писала, что вышла замуж за Оно и уезжает с ним в Японию. Письмо было написано уже с дороги, так что сестры даже не простились. Для всех родственников, включая Анну Николаевну и Варвару, отъезд Анны был полной неожиданностью. Через несколько лет оказалось, что этот отъезд определил будущее не только Анны.

Семья Оно тоже не знала о венчании, состоявшемся в Спасо-Преображенском соборе Петрограда в конце февраля 1918 года. Как старший сын видного чиновника из самурайского рода, Шуничи мог рассчитывать в Японии на хорошую партию в

высшем обществе, но он всегда старался быть независимым, в том числе и от сословно-национальных условностей.

Перед отъездом в Россию отец просил Шуничи не делать в жизни трех вещей: не жениться на иностранке, не становиться коммунистом и не подражать другу отца, Кумакуцу Минаката, который, будучи крупным ученым, отрицал официальную карьеру и ценил выше всего собственную независимость. Молодой Оно не стал коммунистом, но остальными заветами отца он пренебрег...

Приехав в Японию, первое время Шуничи и Анна жили у родителей Оно в Токио. Семья приняла русскую невестку. Через год у молодоженов родился сын Сунтаро. Оно работал ассистентом-зоологом в Токийском университете. «Из Японии приходили письма, которых Варвара с матерью ждали с нетерпением, – пишет Кожевникова. – Анна присылала родным фотокарточки. Варвара, а особенно Анна Николаевна с волнением разглядывали черноглазую мордашку единственного отпрыска их семьи. В конце 1921 года пришло письмо, в котором Анна звала сестру и мать к себе». 13 февраля 1922 года Бубновы отправились в далекую Японию погостить. Путь был неблизкий: через Ревель в Лондон, и потом пароходом через Гибралтар и Суэц, Мадрас, Шанхай в Иокогаму. На самом деле путешествие оказалось неизмеримо более долгим: Анна Николаевна никогда больше не увидела родной земли, а Варвара вернулась в Россию только через 36 лет, в 1958 году.

Сначала гости жили в доме Шуничи и Анны в одном из районов Токио. Мать с удовольствием занималась внуком, которого называли на русский манер Шуней, а Варвара при помощи Оно и сестры знакомилась с Японией. Анна тем временем уже давала уроки игры на скрипке и изредка выступала с концертами – европейская музыка еще мало была известна в Японии 20-х годов, но японцы активно начинали осваивать западную культуру.

Оно помогал Варваре войти в японскую культурную жизнь. Вернувшись в Японию из России, он после нескольких лет преподавательской работы, занялся предпринимательством и издательским бизнесом, что предоставляло ему широкие возможности для общения с самыми разными людьми. С 1924 года Шуничи полностью оставил занятия наукой и со временем основал самостоятельное издательство, специализировавшееся на выпуске пособий для изучения иностранных языков. Занимался он и переводами с русского, опубликовав впоследствии по-японски книгу «Дни и ночи» Константина Симонова и воспоминания Лидии Авиловой «Чехов в моей жизни». Были у него хорошие связи и среди японских русистов.

Для начала Оно помог свояченице поступить в Токийское художественно-промышленное училище, где Варвара освоила технику цинкографии. В ноябре 1922 года Бубнова приняла участие в своей первой японской выставке, а спустя два года получила предложение заняться преподаванием русского языка на отделении русского языка и литературы филологического факультета университета Васэда. С 1927 года Варвара Дмитриевна начала преподавать русский язык и литературу и в Токийском институте иностранных языков. Навыки преподавания в русской школегодились. Круг ее коллег и друзей, как среди художников, так и среди филологов, постоянно расширялся. Много позднее, характеризуя преподавательскую деятельность Бубновой в Японии, одна из местных газет писала: «Если бы не она, переводы русской литературы в Японии, может быть, не достигли бы такого высокого уровня...» Параллельно Варвара Дмитриевна успешно продолжала заниматься станковой, а потом и книжной графикой.

Оно с благодарностью вспоминал годы, проведенные им в Петроградском университете, хотя постоянной переписки с русскими коллегами-биологами у него не было. По случаю, через 5 лет после отъезда из России, весной 1923 года Шуничи написал несколько писем в Петроград. Одно предназначалось его учителю В. А. Догелю. «Глубокоуважаемый и дорогой Валентин Александрович, – писал Оно хорошим подчерком без единой орфографической ошибки и абсолютно в русском стиле. – Вчера вечером случайно узнал от одного знакомого, что японский корреспондент поедет в Москву и устроил так, чтобы он взял мои письма. Не хватает времени, чтобы написать о всем, что накопилось за эти пять лет. Прежде всего, хочу выразить Вам свое искреннее сочувствие к постигшему нас всех горю – потере Александра Станиславовича (отец В. А. Догеля, профессор-гистолог, умер в ноябре 1922 года - С. Ф.)... Очень хотел бы узнать о последних днях жизни своего дорогого профессора. Вы знаете насколько я его любил и ценил как человека и учителя, и ученого... Моей мечтой было всегда вернуться в Петроград, чтобы опять свидеться с ним, и мысль, что все это уже конечно, мне нестерпимо тяжела. Дай Бог ему покой там и вечную память здесь. Мы, его ученики, будем стараться доказать, что семена, которые он посеял, дали хорошие всходы... Мысль о Вас всегда жива во мне, но по теперешним обстоятельствам трудно было входить в сношения... Еду на будущей недели в Киото, где получил место Assistant Professor'a в Императорском Университете. Пока придется читать систематический курс зоологии беспозвоночных, а, кроме того, мне дана работа по созданию новой кафедры по гистологии и эмбриологии в тамошнем университете. Таким образом, труды, которые Вы, дорогой

Валентин Александрович, а также Ваш отец положили на меня оказались основой моей жизни, за что не нахожу слов, чтобы отблагодарить Вас».

Биологические начинания Шуничи в Киото не имели успеха. Через год он с семьей вернулся в Токио. Отчасти это могло быть связано и с тем, что Киото был в то время городом с традиционным японским укладом жизни, где у Анны не было никаких шансов найти желающих учиться игре на скрипке. Предпринимательская и издательская деятельность Оно также не оказались успешными – со временем он постепенно потерял капитал, доставшийся ему от отца.

Преподавательская деятельность Анны Бубновой-Оно в Японии, напротив, имела большой успех. Прежде всего, ей удалось выявить и развить музыкальные способности у собственного сына, который едва ли не с двухлетнего возраста начал играть на скрипке. Уже в 6 лет Шуня выступал в концертах, исполняя Бетховена и Моцарта; в 12 – играл первую скрипку в единственном тогда японском симфоническом оркестре. Сунтаро Оно считался в Японии музыкальным чудом. Он был действительно очень талантлив, а для Японии и исключителен – аборигены тогда не начинали обучение детей музыке в раннем возрасте. Его растущая слава и счастье родителей оборвались внезапно в 1933 году, когда Шуня умер от перитонита. Вскоре и брак Анны с Шуничи распался, хотя на всю жизнь они остались добрыми знакомыми. Более того, когда сестры Бубновы уже после войны искали себе квартиру, где могла бы быть и художественная мастерская и класс для занятий учеников Анны (после смерти матери и мужа Варвары, русского эмигранта В. А. Головщикова, они жили вместе), Оно предложил им первый этаж своего дома. На втором – жил он со своей последней молодой женой Намико и маленьким сыном Юго.

Анна Дмитриевна, по сути, утвердила в Японии принципы русской скрипичной школы и воспитала несколько поколений скрипачей, среди которых были такие выдающиеся мастера как Ивамото Мари, Нагаи Сусуму и Сува Нэдзико. И. П. Кожевникова отмечает: «За долгие годы педагогической работы общее число ее учеников составило более тысячи человек. В 1946 году из них было создано музыкальное общество “Оно Анна-дзеси коэнкай” После войны Анна Дмитриевна стала профессором музыкальных институтов Тохо и Мусасино». Уже после возвращения на родину, в 1959 году, А.Д. Бубнова-Оно первой из советских граждан была награждена японским орденом.

После войны Шуничи Оно стал все больше заниматься общественной деятельностью, в которой он придерживался левых взглядов. Он принимал активное участие в социал-демократическом движении, издавал «Народную газету» и бесплатно

предоставлял несколько комнат в своем доме Союзу токийских учителей и изданию японской коммунистической партии. Так случилось, что в последние годы жизни он совсем лишился состояния и долго и тяжело болел. Как прежде Шуничи постоянно помогал Бубновым, помня, что это из-за него они оказались на чужбине, так теперь Анна Дмитриевна поддерживала его семью и помогала ухаживать за бывшим мужем и воспитывать его сына Юго. Ее прежняя свекровь, у которой было много сыновей, говорила, что среди всех невесток русская была самой лучшей. Юго Оно воспринял естественнонаучную жилку своего отца, так и не реализованную Шуничи, – он стал геологом, профессором университета в Саппоро.

В 1958 году Шуничи Оно не стало. В этом же году Варвара Дмитриевна вернулась в СССР и поселилась в Сухуми, где жила ее старшая сестра Мария. Через год к ним присоединилась и Анна Дмитриевна. Они прожили необыкновенную жизнь – не только долгую и насыщенную событиями, но творческую и активную с молодости до самых преклонных лет (Анна умерла в 89 лет, а Варвара дожила до 97). Последние годы жизни Варвара Дмитриевна провела в своем родном городе, тогда еще называвшемся Ленинградом. Здесь, в 1981 году, в залах бывшего Общества поощрения художеств, где она когда-то училась рисовать, состоялась ее большая выставка. Я был на этой выставке, еще не подозревая, какая интересная судьба смотрит на меня с графических листов, полных японского колорита и русской души.

У сестер Бубновых не осталось прямых потомков, но много учеников и последователей, ценителей их таланта, просто любивших этих замечательных русских женщин, живут и поныне в России, и в Японии.

О жизненной и творческой судьбе сестер Бубновых читатели могут больше узнать из замечательной книги И. П. Кожевниковой «Варвара Бубнова русский художник в Японии», опубликованной издательством «Наука» в 1984 году. В ней Ирина Петровна поставила во главу угла судьбу и творчество Варвары Бубновой. Я же в этом маленьком очерке хотел воскресить, прежде всего, образ Шуничи Оно. Во время учебы на кафедре зоологии беспозвоночных Ленинградского университета мое рабочее место было за тем же столом, где Шуничи Оно работал за 55 лет до меня. Так что эта статья также моя дань коллеге-зоологу.

Собрать сведения о моем герое мне помогли разные люди – знаменитый питерский битломан Коля Васин дал адрес Ёоко Оно. Она, в свою очередь, подтвердив, что Шуничи ее родной дядя, сообщила, что у его есть сын Юго – профессор-геолог университета в Саппоро. Мой японский коллега и друг Масахиро Фуджишима быстро нашел мне его адрес. Юго Оно прислал мне некоторые материалы о своем отце и

сообщил, что кое-какие сведения я могу получить прямо в Петербурге у крестницы Варвары Дмитриевны Бубновой – Веры Борисовны Афанасьевой. Та познакомила меня с художницей-японисткой Натальей Александровной Максимовой, у которой хранятся несколько альбомов фотографий Варвары Дмитриевны... Когда Юго Оно приезжал в Санкт-Петербург, мы долго бродили с ним по местам, где жил и бывал 90 лет назад его отец. Вместе с Йоко Оно, привозившей тогда (в 2007 году) в Москву свою выставку «Одиссея таракана», мы навестили родовое гнездо ее «русских родственников». Усадьба Берново сохранилась – в барском доме с любовью сделанный музей А.С. Пушкина, а в парке скамья возле пруда, где Александр Сергеевич по приданию писал Евгения Онегина. Вот, что мне удалось собрать, увидеть, узнать; со сколькими интересными людьми познакомиться благодаря одной строчке в архиве кафедры зоологии беспозвоночных Санкт-Петербургского университета – «в 1917 году курс закончил студент из Японии – Шуничи Оно».

Не знаю, жалел ли Шуничи, что его научная жизнь не состоялась. Кажется, он все время занимался тем, что было ему интересно, и приносило моральное удовлетворение, а не материальные выгоды. Его родственники говорили, что лучшее, что сделал Оно в жизни – это знакомство Японии с высокими образцами русской культуры, проводниками которой вдали от родины стали, благодаря Шуничи, сестры Бубновы. Собственно, именно из-за любви Оно рассказанная здесь история и произошла! Так что все дело в любви.

В публикации использованы материалы, предоставленные автору Юго Оно (Саппоро, Япония) и Натальей Максимовой (С.-Петербург, Россия), а также иллюстрации из книги И.П. Кожевниковой «Варвара Бубнова русский художник в Японии».